

тура речи: Нормы современного литературного языка. – М., 2012.

Еськова Н.А. Краткий словарь трудностей русского языка. – М., 1994.

Зализняк А.А. Труды по акцентологии. – М., 2010. – Т. 1.

Иванова Т.Ф. Новый орфоэпический словарь русского языка. – М., 2004.

Иллич-Свитыч В.М. Именная акцентуация в балтийском и славянском. – М., 1963.

Истрина Е.С. Нормы литературного языка и культура речи. – М.; Л., 1948.

Ицкович В.А. Языковая норма. – М., 1968.

Капранов В.А. Фонетическая вариантность слов и синонимия // Лексическая синонимия. – М., 1967.

Лефельдт В. Акцент и ударение в современном русском языке. – М., 2010.

Матезиус В. О необходимости стабильности литературного языка // Пражский лингвистический кружок. – М., 1967.

Ожегов С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. – М., 1974.

Пирогова Н.К. О нормах и колеба-

ниях в ударении (на материале глагола) // Филологические науки. – 1967. – № 3.

Резниченко И.Л. Орфоэпический словарь русского языка. – М., 2004.

Соловьев Н.В. Словарь правильной русской речи. – М., 2008.

Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М., 1994.

Томашевский Б. Русское стихосложение. Метрика // Вопросы поэтики. – Вып. 2. – Пг., 1923.

Хазагеров Т.Г. Развитие типов ударения в системе русского именного склонения. – М., 1973.

Шарловский И. Русское слогаударение. – Вып. 2. – Киев, 1884.

Шелюто Г.А. Русское ударение. – Ч. 1. – Ужгород, 1962.

Штудинер М.А. Словарь образцового русского ударения. – М., 2008.

Шустикова Т.В., Атабекова А.А., Курмаева Н.М. и др. Русские глаголы. Формы и контекстное употребление. – М., 2012.

Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. – М., 1957.

В.В. ШАПОВАЛ

Москва

Работа с международной терминологией в школьной практике преподавания русского языка*

В статье рассмотрены подходы к систематизации международной терминологии, изучению словообразовательных элементов древнегреческого и латинского происхождения, а также новые источники и модели терминов.

Ключевые слова: *международная терминология; словообразовательные элементы древнегреческого и латинского происхождения; систематизация.*

Под международной терминологией подразумеваются европейские термины, состоящие в основном из древне-

греческих и латинских компонентов. В методике систематизации терминологии в учебных целях существуют давние традиции. Ключевой принцип – это опора на словообразовательный анализ термина, а именно:

* Статья публикуется в рамках проекта «Преподавание русского языка в поликультурной среде (в полиэтнических классах в школах России и на занятиях с мигрантами) и повышение культуры речи мигрантов».

Шаповал Виктор Васильевич, кандидат филол. наук, доцент МГПУ.

E-mail: liloro1@yandex.ru

(1) формирование пересекающихся рядов, например: *микрофон + микроскоп = телефон + телескоп;*

(2) проведение их анализа: *микро-фон + микро-скоп = теле-фон + теле-скоп;*

(3) вычленение на его основе значимых элементов древнегреческого (*микро-* ‘малый’, *теле-* ‘далеко’, *-фон-* ‘звук’, *-скоп-* ‘смотреть’) или латинского происхождения.

Это очень мощное средство обобщения и запоминания. При достаточном запасе терминов вычленение и определение значений элементов возможно на основе внутренних ресурсов терминотерминологической системы, без обращения к языкам-источникам. И это то, что в принципе сознательно или интуитивно используется при любом подходе к изучению терминологии. Но для достижения результата требуется не 2–3 часа, а систематическая работа и связь с изучением иностранного языка.

Некоторое новшество в методическом плане можно зафиксировать после 1917 г. Прежде классическая гимназия с явным запасом навязывала знание древнегреческих и латинских компонентов на уроках мертвых языков, а применение их при анализе современных терминов считалось естественным прикладным результатом «чтения авторов» (классических).

Ослабление школьной подготовки в этой области заставляло извлекать из прежней гимназической программы тот минимум, без которого невозможно обойтись при освоении книжных слов в единой трудовой школе. Причина этой компенсации проста: учителя, привыкшие работать с гимназистами, узнававшими в составе терминов компоненты из классических языков, и в новой аудитории шли привычным для себя путем. Они предлагали ученикам целенаправленно знакомиться с компонентами из классических языков без знакомства с текстами. Это был обедненный словарь строительных элементов, уже изначально предназначенный только для «чтения терминов». Здесь-то и выработывался новый подход, который оказался стихийным переворотом в методике. Второстепенный мнемонический комментарий к лексике изучаемых древнегреческих и латинских текстов (например: «Господа, запомните латинское слово *capra* ‘коза’: ср. *каприз*, т.е. проявление упрямства, свойственного этим благородным животным») отрывается от изучения «авторов». Он разворачивается в противоположную сторону: (например: «Запомните, что в словах *каприз* и *капрон* один

корень; проявление упрямства названо так, потому что свойственно неким благородным животным, из молока которых вырабатывается и капроновое волокно; это латинское название ‘козы’ – *capra*, вспомните название итальянского острова Капри, на котором при царизме нашел приют пролетарский писатель Максим Горький»). Старый прием перенацеливается на заимствованную в русский язык терминологию, повышая при этом и свой дидактический статус до уровня ведущего метода. Так возник, условно говоря, пролетарский «иняз для бедных». Это новшество стало осмысляться и теоретически. В 1931 г. Е.Д. Поливанов в статье «Иностранная терминология как элемент преподавания русского языка» остановился на изучении «терминов латино-греческого происхождения» [Поливанов 2003: 70]. Он, в частности, дал принципиальное описание этого приема, особо указав на ведущую роль группировки слов «с общим элементом (например, *фот-о-графия*, *фот-о-типия*, *фот-о-сфера* и т.д.)», при которой обобщения однокоренных терминов «становятся отправным пунктом анализа нового слова». «Преимущества этого приема (этимологизации) над механическим заучиванием бессистемного ряда слов очевидны», – заключает он.

Индустриализация потребовала ускорения не только строительства заводов, но и формирования кадров. В 1933 и 1937 гг. выходит «Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык» [Словарь иностранных слов 1933 / 1937], в котором имелось приложение: компактная, но весьма содержательная «Грамматика иностранных слов», составленная Н.В. Юшмановым, где декларировалось достижение тех же целей просвещения средствами систематизации терминологии: «Задача грамматически иностранных слов – дать анализ строения иностранных слов и тем облегчить понимание и усвоение международной терминологии в письменной и устной речи, дать средство скоро, точно и прочно усвоить основные категории международных терминов как вошедших, так и могущих войти в язык» [Словарь иностранных слов 1937: 650–685]. Завершает эту грамматику «Список элементов международной терминологии», включающий «свыше 1000 наиболее употребительных

греко-латинских элементов». Материал там дается очень плотно, например: «**алл** гр. разный; лат. чеснок» [Словарь иностранных слов 1937: 685–693]. С его помощью можно научиться анализировать состав и смысл незнакомых терминов на основе уже усвоенных.

Этот подход реализовался в различных форматах, чаще в практике аудиторного преподавания. В книге М.Л. Гаспарова «Занимательная Греция» есть небольшой, но весьма необходимый «Словарь», построенный на тех же принципах работы с греческой терминологией [Гаспаров 1995: 369–371], например:

КОСМОС и **КОСМЕТИКА**. Греческий корень *косм-* означает «порядок». Высший образец порядка для грека — мироздание, поэтому оно называется *космос*. <...> Но порядок для грека всегда прекрасен; поэтому *косметика* означает буквально «наука об украшении», а обычно — пудру, крем и прочие средства для лица. Вспомните, кстати, и собственное имя *Кузьма* (*Козьма*), которое значит «украшение». А русские слова *косматый*, *космы волос* никакого отношения к греческому корню не имеют: это случайное созвучие.

Так красота терминологии познается через ее упорядочивание.

Можно указать словарь С.Ю. Афонькина, содержащий более 2000 слов с пространственными и подробными комментариями, рассчитанными на школьников:

Магма (гр. *магма* — тесто, месиво). В Древней Греции домохозяйка, поджидая своего мужа, запросто могла бы у себя на кухне раскатать *магму* — тесто для вкусных пышных лепешек. В наши дни на такой трюк не согласится ни один храбрец, ведь мы называем *магмой* раскаленную до тысяч градусов вулканическую лаву, изрыгаемую вулканами во время извержений [Афонькин 2000: 137].

В этом примере чрезвычайно убедительна наглядность противопоставления двух ситуаций.

В словаре А.А. Быкова «Анатомия терминов» рассмотрено 400 словообразовательных элементов с разделением на приставки и корни, на латинский и греческий. Особое внимание уделено вариантам элементов, например: *кооперация* — *сотрудничество*, *коллекция* — *совокупность*, *компатриот* — *соотечественник*, *концентрация* — *сосредоточение*, *корреляция* — *взаимная связь*, *соотношение* [Быков 2008: 31–33].

Н.Г. Фролова, М.Г. Фролов неоднократно переиздавали учебный словарь «Греческие и латинские элементы в русском языке. Латынь вокруг нас», содержащий в пятом издании 930 элементов. При изучении терминов рано или поздно возникает выбор: ориентироваться на цели запоминания или на научную этимологию. Например, в этом словаре принимается широко распространенная народная версия, по которой слово *автор* считается производным от греческого *авто-* ‘сам’ [Фролова, Фролов 2009: 26], хотя правильно считать это слово (лат. *auctor* ‘тот, кто содействует, помогает’) производным от латинского *augo* ‘ращу, приумножаю’ (лат. *auctio* — рост > ср. *аукцион*) [Шаповал 2009: 135]. Практические цели изучения терминов выдвигают на первый план мнемонические достоинства приема. Строгой научностью иногда можно пожертвовать ради наглядности.

Первое, чем пожертвовали при создании новых терминов, было строгое следование древним правилам соединения основ. Некоторая вариативность здесь была изначально. Так, греческое *фосфор* ‘свет несущий, светоносец’ составлено с использованием формы Им. (или В.) падежа (φοσ), а *фот-о-граф* (‘светом пишущий, светописец’) — с использованием основы косвенных падежей. Но со временем вольностей стало больше, поскольку составители терминов уже не так хорошо владели грамматикой классических языков. Например, термин *семафор* ‘средство сигнализации из металлической мачты, несущей одно, два или три подвижных сигнализирующих крыла’ (букв. ‘знак несущий’) возник в результате простого сложения элементов. Гомеру бы больше понравилось соответствующее правилам слово **семат-о-фор*.

Второе, чем пришлось пожертвовать, было строгое различие материала греческого и латыни. Например, слово *лингвист* составлено из латинского корня *линг-* ‘язык’ и греческого суффикса *-ист-* ‘тот, кто занимается чем-то’. И это смешение начиналось еще в поздней латыни, но в наше время пышно расцвело: в сферу терминообразования включаются и русские основы, например: *хвост-ист*, *свет-о-фор*. Последнее образовано на основе составного обозначения *световой семафор* [Шапо-

вал 1997]. Так, в 1927 г. в романе «Две-надцать стульев» авторы писали:

Мороженщик катил свой зеленый сундук, боязливо косясь на милиционера, но милиционер, скованный светящимся семафором, которым регулировал уличное движение, был не опасен. (Ильф, Петров).

Железнодорожный семафор того времени «открывал» путь поднятием крыла. А здесь над мостовой висит новомодный светофор, сказали бы мы.

Самое трудное при изучении терминологии — учесть и опознать все варианты прочтения и написания словообразовательного элемента.

В русском языке грецизмы представлены в двух старых чтениях: от *οἶκος* [*ойкос* ‘дом’] в латинском чтении имеем термины типа *эконом* (букв. ‘домозаконник’) и *эколог* (букв. ‘домовед’), но в старой церковной традиции было слово *иконом* ‘эконом монастыря’, а один из видов церковного песнопения называется *йкос* (букв. ‘дом’). Однако на этом сложности не кончаются. В позапрошлом веке ученые вернулись к истокам и ввели архаическое чтение в греческом и латыни, поэтому вселенная называется *ойкумена*, хотя тот же корень в термине *экуменизм* ‘сотрудничество церквей различных исповеданий’ читается в латинской традиции.

Три чтения греческих элементов сосуществуют в терминологии. Например, к архаичному ближе византийское чтение без озвончения [с] между гласными *Месопотамия* (букв. ‘Среднеречье’, т.е. ‘Междуречье’), но чаще к архаичному ближе латинское чтение, например: *Гомер*, а не *Омир*. Правда, русская запись не идеальна. Чередование начального *g-* с его отсутствием указывает на придыхание [h], для которого у нас нет особого знака. Таких пар достаточно много: *анемия* ‘бескровие, малокровие’, но *гемодиализ* ‘метод очищения крови’; *гиппотам* (букв. ‘лошадь реки’), но *ипподром* ‘конные бега’; *гомогенный* (букв. ‘однородный’), но *омонимы* ‘одинаково звучащие слова’.

К традиционным вариантам прочтения добавляется влияние посредников. Это [h] начинает передаваться и буквой *x*: новое заимствование *холокост* (переосмысление библейского ‘жертва всесожжения’) отличается этим от термина *голограмма* ‘трехмерное изобра-

жение’ (букв. ‘целый / полный рисунок’).

Так, пришедшая в немецком чтении *шизофрения* (букв. ‘раскол в разуме’) начальным элементом мало похожа на термин *схизма* ‘церковный раскол’, хотя оба содержат греческий корень *σχίσ-* [схис] ‘расщепление, раскол, распря’.

Посредство других языков может заметно менять слова. Так, слово *речитатив* имеет тот же корень, что и *цитата*, но [ч] здесь указывает на итальянский язык как непосредственный источник.

Сложнее история корня *парл-* / *парол-* ‘говорить / слово’, который скрыт в словах *парламент*, *пароль* и их производных. Исторически его включение в греко-латинский репертуар вполне обоснованно, но в таком виде корень является французским, хотя и восходит к греческому *παραβολή* [параболé] ‘притча’, ср. *парабола*.

В последней волне заимствований часто предпочитается английское прочтение термина. *Супервайзер* (от англ. *supervisor*, ‘административная должность в различных учреждениях, надзирающий’) — это отражение английского чтения латинского термина *супервизор* ‘специально подготовленный психотерапевт’. Последний является переводом по частям (калькой) греч. *επισκοπ* (букв. ‘сверху глядящий, надзирающий’). То же слово имеется и в английском *overseer* ‘сверху глядящий, надзиратель’.

В современной терминологии появляется еще один путь расширения терминологических рядов. Так, слово *олигарх* содержит два элемента: *олиг-* ‘малый по количеству, немногий’ (без соединительной гласной перед гласной следующего элемента) и *-арх-* ‘начальник, начало, власть’. Первый элемент также представлен в термине *олиг-о-френия* (букв. ‘малоумие’), а второй — в *монарх* (букв. ‘единоначальник’), *тетрарх* (букв. ‘четверовластник, один из четырех правителей’), *гиппарх* ‘конницы начальник’ и проч. Однако недавно возникло слово *мини-гарх* (букв. ‘небольшой финансовый олигарх’), в котором элементы рассечены не по границам (*g-арх*), да еще и лат. *мини-* использовано вместо греч. *микро-*.

Еще один пример такого варварского отношения к границам элементов — слово *квадрокоптер* ‘четырёхвинтовой вер-

толет'. В основе этого термина лежит термин *гелик-о-птер* (букв. 'винт-о-крыл, или **спирал-е-крыл**, или даже **улитк-о-крыл**'), потому что спираль древним грекам попадалась чаще всего на раковине улитки. Опять по-живому отсечено *к-о-птер*, а к нему прикреплено лаг. *квадр-о-*. Правильнее было бы **тетра-птер*. Эти неправильности в терминологии перспективны, так что их приходится принимать и изучать, как и все прочие.

Говоря об элементе *гелик-* 'завиток; улитка; спираль; вертолетный винт', мы коснулись еще одной проблемы. Это многозначность, которую необходимо учитывать. Так, название цветка и карамели *ирис* значит изначально 'радуга', но другой вариант основы имеет и более узкое значение 'радужная оболочка глазного яблока', ср. *ириодиагностика* 'диагностика по радужной оболочке глаза'. При создании и понимании термина часто используется метафорический перенос.

Вместе с терминами разумно изучать имена собственные. Например, *Перикл* (букв. 'в округе славный') имеет ту же начальную часть, что и геометрический термин *периметр* (букв. 'вокруг измеренный'), *Прометей* (букв. 'заранее думающий') имел брата по имени *Эпиметей* (букв. 'после думающий, крепкий задним умом'), а в литературе нам встречаются термины *пролог* и *эпilog* с тем же противопоставлением.

Это позволяет осмыслить трудные для запоминания имена: если *Циклоп* значит 'круглоглазый', а *каллиграфия* — 'более красивое письмо', то имя музы красноречия *Каллиопа* значит... не 'более красивая глазами', а 'более красивая речью'. Еще одним источником затруднений становится вторичная омонимия. Слово *глаз* у греков произносилось с долгим [oo], а *речь* — с кратким [o]. Мы этого не различаем.

Омонимы чрезвычайно коварны: в термине физики *электролит* часть *-лит-* значит 'раствор', а в истории в термине *неолит* 'новокаменный век' часть *-лит-* уже значит 'камень'. Для

греков здесь тоже не было омонимии. Насколько требуется входить в эти детали, зависит от целей каждого обучаемого.

Описанный метод систематизации представляет собой простой и удобный ключ к наследию античности, отложившемуся в международной терминологии, как употребляющейся в специальных научных текстах издавна, так и пришедшей совсем недавно через прессу и переводные издания.

ЛИТЕРАТУРА

Афонькин С.Ю. Зри в корень: Толковый словарь иностранных слов греческого и латинского происхождения. — СПб., 2000.

Быков А.А. Анатомия терминов: 400 словообразовательных элементов из латыни и греческого: Учебный словарь-справочник. — М., 2008.

Гаспаров М.Л. Занимательная Греция. — М., 1995.

Поливанов Е.Д. За марксистское языкознание: переизданные работы 1931 года с предисловием и комментариями / Под ред. И.А. Королевой. — Смоленск, 2003.

Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык / Под ред. Т.М. Капельсона. С прил. грамматики иностр. слов, сост. Н.В. Юшмановым. — М., 1933.

Словарь иностранных слов / Гл. ред. Ф.Н. Петров. С прил. таблиц и грамматики иностр. слов, сост. Н.В. Юшмановым. — М., 1937.

Фролова Н.Г., Фролов М.Г. Греческие и латинские элементы в русском языке. Латынь вокруг нас. 930 элементов. Специальный учебный словарь. — М., 2009.

Шаповал В.В. К биографии светифора // Русский язык: еженедельное приложение к газете «Первое сентября». — 1997. — № 27 (99).

Шаповал В.В. Рецензия: Фролова Н.Г. Латынь вокруг нас. Греческие и латинские элементы в русском языке: специальный учебный словарь. 930 элементов // Вопросы филологии. — 2009. — № 3 (33). — С. 134–136.